

НОВАЯ ГАЗЕТА

СЮЖЕТЫ • КУЛЬТУРА

Опять «Метель»

Нетеатральная рецензия на спектакль Кирилла Серебренникова по повести Владимира Сорокина о дороге, смерти и времени

Сцена из спектакля Метель. Источник: kirillandfriends.com

16:40, 19 сентября 2026,

Андрей Калитин*

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

18+. НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЕ «НОВАЯ
ГАЗЕТА» ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЕ «НОВАЯ
ГАЗЕТА»

(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ КАЛИТИНЫМ АНДРЕЕМ
СЕРГЕЕВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА КАЛИТИНА АНДРЕЯ
СЕРГЕЕВИЧА.

Дорога

Однажды в зимний праздник зажиточный и расчетливый купец Василий Андреевич Брежунов, несмотря на начинающуюся метель, решает ехать к соседнему помещику, чтобы купить у него рошу и опередить конкурентов. Взяв с собой работника Никиту — бедного, доброго, но слабого и спившегося мужика, — Брежунов отправляется в путь. Скоро дорогу заметает снегом. Они сбиваются с пути и долго блуждают по кругу, дважды возвращаясь в одну и ту же деревню. Лошадь выбивается из сил, и путники решают

заночевать в поле, зарывшись в снегу. Лежа в санях, Брехунов мучительно переживает страх смерти. Он думает о своей жизни, полной стяжательства и мелких забот, и впервые ясно осознает ее пустоту и ложность. Услышав, что Никита почти не дышит и замерзает рядом, купец выходит из саней, ложится на работника сверху, накрывает своим тулупом, согревает телом.

Рассказ Льва Толстого «Хозяин и работник» был опубликован в 1895 году. Сюжет дороги годами кочевал по русской литературе в поисках времени и финальной точки сюжета. У Толстого купец Брехунов замерзнет на смерть в снегу, так и не добравшись до цели, но спасет Никиту, прозрев на пороге смерти. Наверное, сегодня этот финал следует назвать хэппи-эндом.

Спустя 115 лет сюжет повторится вновь. Владимир Сорокин написал «Метель» в 2010 году, но, как часто бывает с литературными шедеврами автора, с каждым годом повесть становилась всё актуальнее, а ее сюжет — всё более понятен и узнаваем.

Сцена из спектакля Метель. Источник: kirillandfriends.com

Зима. Россия. Уездный доктор Платон Ильич Гарин едет в глухую деревню, чтобы вакцинировать местных жителей, пораженных боливийской «чернухой». Загадочный вирус очень опасен: зараженные превращаются в зомби, встают из могил и кусают своих соседей. Начинается страшная метель. Помочь Гарину может местный работяга Козьма по прозвищу Перхушка, у которого есть «50 малых лошадей размером не более куропатки». Перхушка запрягает их в самокат, и герои отправляются в путь. До деревни, в которой бушует эпидемия, доктор планирует добраться за полтора часа. Но имя деревни — Долгое. Исторический опыт и литературный канон подсказывает нам, что путь будет сложным, долгим, и выживут тут далеко не все.

Главный герой «Метели» Сорокина — не Гарин, не Перхушка, а само время: оно давно остановилось в ледяной пустыне, по которой бродит самокат с мини-лошадьми.

В каком году это было, неизвестно. Потому что это происходит прямо сейчас, всегда, и еще не раз случится в будущем — скором и самом далеком одновременно. Метель тут не природное явление, а вечная суть.

Где-то совсем рядом, а может быть, далеко, бушует смертельная эпидемия. Доктор спешит спасти больных пациентов, но надо ли это им — никто не знает. Перхушка, голодный и сонный, запрягает свой самокат. Поехали!

Сцена

Если писатель Владимир Сорокин раздвинул само время, выйдя за хронологические рамки классической русской прозы, то

режиссер Кирилл Серебренников убрал все границы — языковые, политические, культурные. Его спектакль, который в сентябре прошел в Берлине в рамках фестиваля **KIRILL & FRIENDS**, идет на немецком языке. Но Перхушка в блистательном исполнении Филиппа Авдеева иногда говорит по-русски, а Август Диль в роли доктора Гарина его всегда понимает. Одновременно сорокинский текст, который Кирилл не изменил ни на слово, идет на английском языке на экране для перевода. На сцене все время — ночь, и почти всегда — снег. Метель иногда стихает, иногда крутит самокат кругом. Когда полозья в очередной раз застревают в глубоком снегу, а герои идут выталкивать свой транспорт из сугроба, на втором экране, выведенном на сцену, мы видим кукольный театр. Маленькие фигурки толкают сани, лошадей, толкаются сами, сопротивляясь времени и метели.

Сцена из спектакля Метель. Источник: kirillandfriends.com

Пересказывать сюжет смысла нет: повесть надо прочесть, а спектакль нужно увидеть. Но один диалог, написанный, напомним, в далеком уже 2010 году, привести просто необходимо.

ГАРИН. Козьма, скажи мне, братец, что для тебя в жизни самое главное?

ПЕРХУША. Главное? А не знаю, барин... Главное — чтоб всё было ладно.

ГАРИН. Что значит — ладно?

ПЕРХУША. Ну, чтоб лошадки здоровы были, чтоб хлеба было на что купить... да и самому чтоб без хворости.

ГАРИН. Ну, хорошо, допустим, что лошадки твои здоровы, сам ты тоже здоров, деньги есть. Что еще?

ПЕРХУША. И не знаю даже... Думал как-то пасеку завести. Хоть бы домика три.

ГАРИН. Допустим, завел ты пасеку. Что еще?

ПЕРХУША. А чего мне еще!

ГАРИН. Ну, чтоб ты хотел в жизни изменить?

ПЕРХУША. В своей-то? А ничего. Мы своей жистью довольны.

ГАРИН. Ну, а может, вообще в жизни?

ПЕРХУША. Чтоб злых людей поменьше было. Вот чего.

Выпив по рюмке медицинского спирта, странники продолжают путь «за тридевять земель делать людям добро». Зритель давно перестал гадать: в прошлом он или в будущем. Язык

классической русской прозы XIX века соседствует на сцене с радио, которое люди «смотрят», в руках у героев — зажигалки, на головах — космические скафандры. Нам не важно, какой сейчас год и час. Мы живем внутри этого сюжета всегда. Метель всё сильнее. Развязка уже близка.

Смерть

Русский литературный герой на протяжении веков задавал самые глубокие и важные вопросы цивилизации, стремясь изменить весь мир. Российская действительность давала на эти вопросы страшные и чудовищные ответы. Когда довольный жизнью хлебовоз Перхушка говорит, что мечтает о том, чтобы «всё было ладно», мы понимаем: ладно тут уже ничего не будет вообще. До исполнения второй мечты — «чтобы злых людей поменьше было» — надо еще дожить в ледяной пустыне.

Сцена из спектакля Метель. Источник: kirillandfriends.com

В отличие от купца Брежунова, спасшего у Льва Толстого своим

телом и тулупом Никитку, доктор Гарин морозной ночью просто уснет. И не заметит, что своим грузным телом сломал корпус самоката, в котором они укрылись. В это время у Перхушки рвется тулуп, но беспокоить барина он, конечно же, не посмеет. Теперь мы знаем, кому в эту ночь уготовано умереть.

Перхушку убьет не враг и не волк, не эпидемия «чернухи» и не воскресший зомби. Он умрет от холода на бескрайних просторах русской метели, так и не добравшись до финального пункта назначения.

Впрочем, а существует ли на самом деле деревня Долгое? Этого не знает никто. Туда просто едут.

Доктор Гарин тоже этого не узнает. Его, обледеневшего и едва живого, рано утром достанут из-под снега китайцы, которые проезжали мимо на «санном поезде», запряженном огромным конем высотой с трехэтажный дом. Обыскав замерзшее тело Перхушки и бросив в ледяном склепе, китайцы забирают куда-то Гарина и, конечно, всех мини-лошадей. Снег продолжает падать на сцену. «Сесе ни» (спасибо тебе) — шепчет по-китайски Гарин, прощаясь с миром и с нами. Занавес.

Время и вечность

Владимир Сорокин, написав «Метель» в 2010 году, [сказал о повести так](#): «Метель тут — и субъект, и объект. И персонаж, и сцена. И герой, и декорация. Это стихия, которая определяет жизнь людей, их судьбу. От чего здесь люди зависели, по-прежнему зависят и будут зависеть — это русская география. Это размер России, размер этих полей, во многом

безжизненных, это затерянность людей в этих пространствах. И главный персонаж, порождаемый этим пространством, — сама Метель. Поломки всех этих вещей, плохие дороги и то, что зимой путники никак не могли найти дорогу, потому что она никак нигде не обозначена, и никому это не нужно, — это и есть русская жизнь. Другой она не будет».

Спустя 15 лет Кирилл Серебренников поставил «Метель» сначала в Зальцбурге, а сейчас — в Берлине. Дело не в том, что текст Сорокина актуален как никогда (опять), а в том, что с каждым годом он играет разными гранями, красками, эмоциями. Дорога не ведет никуда, деревни Дальнее нет, как и нет границ у метели. Есть лишь конечная остановка и смерть от холода. Может быть, проезжающие мимо китайцы тут кого-нибудь и спасут, но точно заберут лошадей. И утонут в снежной буре мечты Перхушки — чтобы всё было ладно и чтобы злых людей поменьше было. Не сбывается тут ничего веками. И ничего впереди не видно. Горизонта нет. Нас всех замело.

P.S. Этой осенью спектакль Кирилла Серебренникова «Метель» **можно и нужно посмотреть в Дюссельдорфе**, а Владимира Сорокина — **встретить в Мадриде**, в Museo del Prado. Сорокин стал первым русскоязычным писателем, который прямо сейчас принимает участие в уникальной программе Escribir el Prado, в рамках которой он получит эксклюзивный доступ во все залы музея, а также к закрытым от посторонних глаз реставрационным мастерским, лабораториям, хранилищам и архивам. Итогом этого литературного эксперимента, участниками которого уже стали лауреаты Нобелевской премии по литературе Джон Кутзее (Австралия) и Ольга Токарчук (Польша), лауреаты Гонкуровской премии Матиас Энар и Лейла Слимани (Франция), лауреат Букеровской премии Джон Банвилл (Ирландия), Хлоя Ариджис (Мексика), Хелен Ойеими (Великобритания) и другие писатели с мировым именем, станет новый текст Сорокина, вдохновленный Прадо. Музей сам издаст его на нескольких языках.

* Внесен властями РФ в реестр «иноагентов»